

экономическими размышлениями автора, завершается вселенской нотой: «...скаты, ложбины, низины, холмы, увалы — все тот же неровный, беспокойный, мятежный лик земли» («Хлеб и мысль». С. 129, 202).

В 1932–33 К. пишет повесть **«Встреча»**, рассказы **«Ленинградское шоссе»** и др. После поездки на Кубань вместе со своим ближайшим другом писателем Н. Зарудиным К. побывал на Алтае, в Грозном, в Армении, в Хибинах. Он принимает участие в создании «Лит. газ.», где и появлялись его очерки и рассказы второй половины 1930-х. К. сближается с горьковским ж. «Наши достижения»; на I Всесоюзном съезде писателей К. был избран членом правления Союза. В это время выходит его сб. **«Человек на горе»** (1934), объединивший очерки о нефтепромыслах Грозного, об апатитовых разрабатках Хибин и др. В 1935 выходит сб. **«Отечество»**, о котором критика писала: «Это — торжественная настроенность мысли и слова... Это — величавая целостность жизни, ощущенная со сдержанно взволнованной силой» (Октябрь. 1935. № 12. С. 227). Очерк «Отечество», давший название всей книге, посвящен размышлениям автора о судьбе озера Севан и о людях, живущих на его берегах. Своей глубокой думой о «малой» и «большой» родине очерк «Отечество» перекликается с появившейся спустя десятилетия прозой В. Распутина, В. Белова, В. Астафьева. В 1936 К. пишет статью **«Искусство социалистического народа»**, в которой поставил не потерявшие значения и до сих пор вопросы о национальном своеобразии лит-ры, о прогрессе в искусстве и др. В 1937 вместе с Н. Зарудиным К. отправляется на Горный Алтай, откуда привозит свое последнее, оставшееся неоконченным произведение, — повесть **«Под чистыми звездами»** (опубл. в 1956). Человек предстал в этой книге как творение мировой жизни, как «главное средоточие ее древней сдержанной силы»; тема самопознания, духовного возмужания — главная в повести. К. был необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

Соч.: Избранное / вступ. статья В. Гоффеншефера. М., 1957; Под чистыми звездами / вступ. статья Е. Стариковой. М., 1969; Сердце / послесл. Е. Стариковой. М., 1980; Хлеб и мысль. Л., 1983; Сердце. М., 1989.

Лит.: Евгенов С. В. Жизнь на миру: Очерки-воспоминания о воителях и мечтателях, о газетчиках и поэтах. М., 1967. С. 87–105; Фонская С. И. Дом в Голицыне: Рассказы о писателях. М., 1967. С. 49–52; Воспоминания об Иване Катаеве. М., 1970; Грознова Н. А. Иван Катаев — прозаик и публицист // Катаев И. Хлеб и мысль. Л., 1983. С. 345–364; Белая Г. А. Дон Кихоты

20-х годов: «Перевал» и судьба его идей. М., 1989; Чернега Т. А. Иван Катаев: Творческая индивидуальность писателя и лит. процесс 20–30-х годов: Автореферат дис. СПб., 1992.

Н. А. Грознова

КЕДРИН Дмитрий Борисович [4(17).2.1907, Богодуховский рудник, ныне пос. Щегловка, Донбасс — 18.9.1945, близ с. Тарасовка Московской обл.] — поэт, журналист, переводчик.

Общеизвестные сведения о месте рождения К. историками лит-ры обычно берутся из автобиографии писателя, написанной им в 1943 перед отъездом на фронт. Однако существует версия, что К. — незаконнорожденный (см. Тартаковский П. И. — С. 5–8). Дед К. — разорившийся помещик — слыл человеком крутого нрава. Бабушка, опасаясь скандала, отправила беременную младшую дочь Ольгу в далекую молдавскую деревушку, где К. родился и провел в бедной крестьянской семье первые 7 лет своей жизни. Через несколько месяцев после появления мальчика на свет удалось уговорить мужа старшей сестры окрестить и усыновить ребенка под именем дворянина Дмитрия Борисовича Кедрина (однако в семью его не взя-

Д. Б. Кедрин

ли). К 1914 дед и отчим скончались. С этого времени К. жил со своей фактической матерью, бабушкой и теткой в Екатеринославе (Днепропетровск). В 1920 мать умерла. В дальнейшем, чтобы не было путаницы в документах (что в то время могло закончиться трагически), К. будет называть родителями дядю и тетку. В то же время известно, что именно от родной матери К. унаследовал не только романтический внешний облик, но и страсть к поэзии. Большое влияние оказала на К. и воспитавшая его бабушка, тоже писавшая стихи, влюбленная в поэзию Пушкина, Лермонтова и Некрасова, читавшая внуку в подлинниках Шевченко и Мицкевича. Осведомленность не только в русской, но в украинской и польской культурах будет ощущаться у К. и позднее. Бабушка ввела К. и в мир народного творчества, который также будет присутствовать в его поэзии.

Потрясенный поэзией Пушкина, К. начинает писать стихи с 9 лет, хотя учиться приходится в коммерческом училище, а затем в техникуме путей сообщения. Но главным у К. остается интерес к лит-ре. В конце 1923 К. становится одним из ведущих поэтов в лит. объединении «Молодая кузница». Вскоре он бросает учебу и начинает работать в комсомольской газ. «Грядущая смена» (впрочем, в комсомол его как дворянского сына не принимают). Ранние стихи К. подражательны, в них сочетается влияние Маяковского и Есенина, «железной поэзии» Пролеткульта и клюевской церковной лексики. Все это объединяет революционный энтузиазм и пафос социалистической перестройки мира («**Стихи о весне**», «**Рельсы**», «**Погоня**» и др.). В середине 1920-х в лирике К. появляется все больше тонких психологических деталей. Записные книжки отражают активный процесс творческой учебы — углубленное внимание к наследию Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Тютчева. Рядом с именами Некрасова и Блока появляются Омар Хайям, Бальзак, Ромен Роллан, Киплинг... К. увлекается музыкой, живописью, театром. К концу 1920-х в стихах К. начинают ощущаться тенденции к эпичности и историзму («**Смертник**», «**Казнь**», «**Прошение**» и др.).

В конце 1920-х К. был арестован и полтора года провел в тюрьме (Кедрина С.— С. 16). Обстоятельства и подробности пока не известны. Вероятнее всего, они были связаны с рапповскими тенденциями преследования худож. интеллигенции непролетарского происхождения, часто сопряженными с элементарной завистью к таланту. С 1931 К. живет

и работает в Москве и Подмоскowie. Он становится одним из ведущих сотрудников в газ. Мытищинского вагонного завода, печатает здесь стихи о проблемах жизни и быта, трактуемых в острейшем нравственном плане,— алкоголизм, ревность и др. («**Кукла**», 1932 — очень высоко оцененная М. Горьким; «**Китайская любовь**», «**Право на отдых**», «**Поединок**», «**Беседа**» и др.). В стихах К. не было навязчивой дидактики, холодной рассудочности, в них проявлялась взволнованная доверительная открытость, захлестывающий лиризм. Перейдя на работу лит. консультанта в изд-во «Молодая гвардия», К. не утрачивает связи ни с заводским коллективом, ни с земляками-днепропетровцами.

В 1930-е растет поэтическое мастерство К., расширяется проблематика и жанровые разновидности его произведений, намного опередивших свое время. Не случайно при жизни К. ему удается опубликовать лишь одну тоненькую, урезанную цензурой книжечку — «**Свидетели**» (1940). Творчество К., не воспринятое критикой 1930–40-х, еще недостаточно прояснено и в совр. исследованиях. Не изучен объемный социальный и психологический подтекст поэзии К., тесно связанный со все более усложняющейся политической ситуацией эпохи. Именно в ней, а отнюдь не в традициях Блока, и тем более «Черного человека» Есенина, следует искать объяснение «вечного» образа двойника у К. Атмосфера конца 1930-х определила настроение обычно называемых «грустными» стих. 1938–39 (философские размышления о жизни и смерти — «**Зимнее**», «**Бессмертие**», «**Глухарь**» и др.), а также трагедийный пафос обращения К. к истории, в первую очередь в его шедевре «**Зодчие**» (1938) — поэтическое воплощение предания об ослеплении Иваном Грозным строителей храма Покрова.

Интерес К. к истории возник еще в Днепропетровске. В 1930 в блокноте появляются записи, где упомянут ряд исторических деятелей XVIII–XIX вв. Как подчеркивал сам К., его интересует «история живая и музейная», т. е. связь истории с современностью. Кроме того, К. все больше занимает тема красоты в человеческой жизни, искусства, которое несет эту красоту людям и по самой своей сути противостоит злу, в каком бы обличье это зло ни встречалось. И эта главная для К. тема извечного противостояния творца и тирании («гения и злодейства») решается им на историческом материале различной степени достоверности. Так, поэма «**Конь**» (1940) посвя-

щена полулегендарному самородку-строителю Федору Коню, поэма **«Пирамида»** (1940) — вообще безвестным рабам, созидającym нетленные памятники, драма **«Рембрандт»** (1938) — о трагическом единоборстве гения с миром корысти и наживы — основана на материале достаточно известном.

Третья «линия» в творчестве поэта — стихи о войне (он хотел объединить их в книгу «День гнева») — открыла нового К. — беззаветного певца России. Освобожденный от призыва на военную службу по состоянию здоровья (зрение), К. все же добился назначения его во фронтовую газ. («Сокол Родины», 6-я воздушная армия). И хотя в газ. К. приходилось достаточно много заниматься самой будничной работой — вести лит. отдел, писать рифмованные призывы, очерки, статьи, тексты к карикатурам, фельетоны (сатирические произведения К. печатал под псевдонимом Васи Гашеткина), именно в годы войны он написал лучшие патриотические стихи: **«Красота»**, **«Аленушка»**, **«Россия, мы любим неяркий свет»**, **«Все мне мерещится поле с гречихойю»** и мн. др. Расширяется не только проблемно-тематический диапазон поэзии К., но все более совершенствуется худож. мастерство: соединение лиризма, эпичности и своеобразного использования приемов драматизации (монологичность, диалоги, языковая характеристика лирического героя и персонажей). К. мастерски использует не только приемы ролевой лирики, но сказовое и песенное фольклорное начало. Не поверхностная стилизация, но органическое усвоение традиций устного народно-поэтического творчества, русской и мировой классики все определеннее характеризуют поэзию К. В произведениях К. соединилась уверенность, что он «заведен» как часы «на столет», и вместе с тем трагическое предчувствие близкой гибели (**«Пластинка»** и др.). К. очень часто «ходил по краю». В 1933 написал рискованные строки: «Все звери спят / Все птицы спят / Одни дьяки людей казнят». В самом конце войны он прославил еврейского врача (**«Инфанта»**) и офицера Шамиля» Кайсына Кулиева, который вскоре будет репрессирован вместе со всем его народом. Не случайно уже в июле 1945 в стих. **«Я»** вновь появляется мотив обреченности: «Много видевший, много знавший, / Знавший ненависть и любовь, / Все имевший, все потерявший, / И опять все нашедший вновь, / Вкус узнавший всего земного, / И до жизни жадный опять, / Обладающий всем и снова / Все стремящийся потерять...» Предчувствие

не обмануло К. Не пройдет и 3 месяцев, как он будет убит. Его найдут около полотна железной дороги, по которой никогда не имевший своей жилплощади К. ездил из Москвы в снимаемую комнату в пригород. Незадолго до смерти он говорил жене, что за ним следят, что его уже пытались столкнуть под поезд.

В последний период жизни К. продолжал работать над исторической тематикой (**«Андрей Рублев»** — известно, что на одноименный фильм А. Тарковского оказала влияние поэзия К., **«Курбский»** — драма, **«Ломоносов»**, **«Кутузов»**, **«Семилетняя война»**). К. хотел написать о женщинах трагической судьбы: Евдокии Лопухиной, княжне Таракановой, папессе Иоанне, Параше Жемчуговой (заготовки поэмы о ней пропали в годы войны вместе с рукописями «Перчатки Мефистофеля», «Елки» и др.). В планах К. была «Сатирическая вольная поэма», поэма «Электричка идет в Свердловск», стих. «Песня Сольвейг», «Розы Маяковского», книга о психологии творчества (на материале не только своей творческой лаборатории, но и огромнейшей работы лит. консультанта — К. обладал еще и незаурядным даром педагога). Кроме того, К. задумал множество произведений о войне: «Рассказ матери на современном военном материале», «Могила Неизвестного солдата», «Майданек», «Лирическая поэма: дни от 16 октября до 17 декабря 1941 г.» и др. Узнав об этом, Лидия Сейфуллина сказала: «Да это же план для всей советской литературы на ближайшие двадцать лет» (Цит. по: Кедрина С.— С. 35).

Соч.: Стихотворения, поэмы, драма. Пермь. 1984; Дума о России. М., 1989; И минуло время. М., 1989; Избранное: Стихотворения и поэмы. М., 1991; Письма, записные книжки // Вопр. лит.-ры. 1979. № 3; В архиве Д. Кедрина // Москва. 1982. № 2; Письмо М. Волошину // Вопр. лит.-ры. 1986. № 9.

Лит.: Широков С. Е. Дмитрий Кедрин: краткий биографический очерк. Днепропетровск, 1961; Тартаковский П. И. Дмитрий Кедрин: Жизнь и творчество. М., 1963; Красухин Г. Г. Дмитрий Кедрин. М., 1976; Рубцов Н. Последняя ночь. Стихотворение // Подорожник. М., 1986; Евтушенко Е. Воссоздатель памяти: Точка опоры. М., 1981. С. 62–70; Кулиев К. Памяти друга // Поэт всегда с людьми. М., 1986. С. 145–153; Журавлев В. Своеобразие фольклоризма поэзии Д. Кедрина // Фольклорные традиции в русской и советской лит.-ре. М., 1987; Кедрина С. Д. [Вступ. статья] // Кедрин Д. Соловьиный манок. М., 1990; Кедрина С. Жизнь вопреки всему: Тайна рождения и смерти Дмитрия Кедрина. М., 1996.

К. Ф. Бикбулатова